

УДК 821.161.1

**ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ
ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА РОМАНОВ
ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА «ВОЛХВЫ» И «ВЕЛИКИЙ РОЗЕНКРЕЙЦЕР»**

© 2010 г.

Е.В. Никольский

Московский госуниверситет геодезии и картографии

Eugenius-08@yandex.ru

Поступила в редакцию 09.04.2010

Рассмотрены романы Всеволода Соловьёва (1849–1903) «Волхвы» и «Великий Розенкрейцер», проанализировано столкновение и антитеза христианских и гностических представлений о мире и человеке на примере судеб ведущих героев диалогии и второстепенных персонажей.

Ключевые слова: исторический роман, православие, масонство, гностицизм, гуманизм, христианские ценности, сверхчувственное знание.

Романист Вс. Соловьёв в течение многих лет занимался изучением оккультной литературы. Литературный критик П.В. Быков отмечал, что писатель считал эту сторону своей деятельности значимой, ибо, по словам самого писателя, рассмотрение всей возможной полноты проблем, связанных с оккультизмом и христианством, потребовало от него «пятилетних усиленных трудов, преимущественно за границей» [1: 43–44]. Это вылилось в конце 80-х годов в создание мистической диалогии – романов «Волхвы» и «Великий Розенкрейцер». Племянник романиста, отец Сергей Соловьёв, свидетельствовал, что «впоследствии этот интерес к индусской мудрости все более уступал место простой вере» [3: 23]. Для анализа проблематики мистической диалогии Вс. Соловьёва необходимо кратко рассмотреть сущность и истоки тех форм духовности, которые привлекли внимание писателя.

Вопросы теории и истории гностицизма затрагивал в своих работах известный российский историк Л.Н. Гумилев. Согласно его взглядам, западноевропейская культура и византийская цивилизация как бы вылуплялись из «яйца христианской общины, социальным обрамлением которой была церковная организация. Но в этом яйце был и второй зародыш – так называемый гностицизм, <...> в котором главное место занимало неприятие действительности» [2: 264]. В то же время христиане рассматривали окружающую среду, с присущими ей стихийными процессами, как благо. Таким образом, по мнению ученого, формировался конфликт если не мировоззрений, то мироощущений: жизнеутверждающего, т.е. сопричастного биосфере планеты, и жизнеотрицающего, ставившего це-

лью и идеалом аннигиляции материального мира, ибо высшее благо человека состоит, с точки зрения гностиков, в уничтожении материи и освобождении духа. В средневековых и постренессансных гностических доктринах типично понимание знания как самоценности, порою идущее в ущерб другим сферам бытия, а также отрицание ценностей материального мира, в том числе брака и семьи, презрение к самой жизни, почитание самоубийства, гордое удаление от общества и т.д.

Это учение было составной частью псевдохристианских доктрин, существовавших в Средиземноморье в постантичную эпоху, ведь гностицизм повлиял на возникновение большинства крупнейших ересей, в том числе манихейства и последовавшего за ним масонства и розенкрейцера, что было подробно описано Всеволодом Соловьёвым в его мистической диалогии. Мастерски используя полученные сведения, автор дал картину европейского и русского общества конца XVIII века, в котором мистицизм получил вполне определенное развитие.

Первая часть романа «Волхвы» посвящена этическим и гносеологическим проблемам, зачастую не отделяемых писателем друг от друга. Получив прекрасное образование в одном из немецких университетов, главный герой, князь Юрий Кириллович Захарьев-Овинов, не удовлетворяется достигнутым и продолжает поиск сверхчувственного знания Розенкрейцеров, которое будто бы обеспечит абсолютное счастье. Вс. Соловьёв в одной из первых глав романа «Волхвы» вводит читателя в суть проблемы. Повествуя о главном герое, он отмечал, что в то время было немало людей, мистически настроенных, «томившихся и скукавших среди види-

мой действительности. *Эти умы, увлекаемые жаждою чудесного и не умевшие найти удовлетворения своей жажде в слишком для них высокой и великой чистоте и простоте христианского учения, вернулись к древним средневековым мечтаниям, разыскивали остатки древних тайных наук и силились сдернуть покрывало с таинственного лика Изиды* [4: 23] (выделено мною – Е.Н.). Захарьев-Овинов высказывает антигуманистические манихейские взгляды, согласно которым *высшее благо человека состоит в уничтожении материи и освобождении духа. Если материя зло, а земная жизнь – лишь миг перед вечностью, лишь кратковременная темница духа, то, как же я могу страдать и плакать оттого, что людям, быть может, холодно и голодно? Ведь я хорошо знаю, что телесный голод и холод – ничто, вовсе не беда, не горе, а спасение* [4: 381].

В теориях ордена розенкрейцеров, описанных в соловьевской диалогии, сохранялись не принятые ни христианской церковью, ни европейской философией древние гностико-манихейские воззрения. В романе «Волхвы» в следующей фразе автор выразил жизненное сгедо князя Юрия, который полагал, что *чем быстрее идет его собственное развитие, тем он более очищается и возвышается над материей, тем он легче будет очищать и поднимать других* [4: 276].

Новозаветное мирозерцание и последующая традиция богословской мысли категорически не принимали подобных суждений. В последующее время гностическая ересь продолжала существовать, спрятавшись под другими названиями в тайных обществах. В Средние века гностицизм проникал в христианство под видом каббалы, алхимии, астрологии и магии, а также в воззрениях тамплиеров, розенкрейцеров, то есть всего того, что так увлеченно изучал князь Захарьев-Овинов.

Манихейские (эзотерические) доктрины реализуют себя в идеологии и поступках Юрия. Прежде всего это касается **неисполнения** им двух заповедей Иисуса Христа (своеобразной квинтэссенции всего Нового Завета) – заповедей о любви к Богу и любви к ближнему. Внешне Юрий оставался христианином, но при этом не замечал того, что изменения, произошедшие в его уме и сердце, способствовали его удалению от Евангелия. Писатель на примере судьбы Захарьева-Овинова показал то, каким образом человек может получить такие способности и как это может отразиться на его дальнейшей судьбе. В романе «Великий Розенкрейцер» показан итог жизненного пути князя

Юрия, рассматриваемый с позиций христианской антропологии и евангельской этики.

А в первой части диалогии романа «Волхвы» автор повествует о сути тайных знаний и путях овладения ими. В связи с этим он отмечал, что посвящавший Захарьева-Овинова учитель *доказал ему основательно свои познания, свою силу, показывал ему явления, ясно и неоспоримо говорящие о том, что человек может получить громадную власть над природой, и по своему желанию комбинировать и направлять ее силы* [4: 270]. Такова, по мнению писателя, суть духовной практики, распространенной в тайном обществе искателей истины. Последователи этого учения достигали такого состояния, что «желать» уже означало «возмочь». Розенкрейцеры приобретали знание ради самого знания; завет Христа «любить ближнего своего как самого себя» (Мф. 5: 44) стал им чужд, так как их представления о мире и человеке исходили не из евангельских (гуманистических), а из языческих (гностических) доктрин. Описывая «рыцарей “Розы-Креста” во всеоружии высочайших познаний, Соловьев не делает из них, однако, фантастических фигур. Это живые люди, психология которых представляет не сказочный, а вполне реальный характер. Автор ставит перед читателями **вопрос не о сущности** сверхчувственного знания, а о моральном отношении к нему и о путях его применения, раскрытом в диалогии на примере судьбы князя Юрия Захарьева-Овинова. «Гносеологическая» проблематика диалогии уступает место этической.

Всеволод Соловьев рассматривал в этих произведениях не влияние гностических и мистических учений на духовную жизнь общества, а то, как увлечение эзотерикой деформирует личность главного героя, князя Юрия. Именно с этой целью автор создал «романную ситуацию» данных произведений, сосредотачивая все внимание читателя на истории духовных поисков Захарьина-Овинова. Юрий не смог найти смысла жизни и вернуть себе внутреннюю гармонию до встречи с батюшкой. Ведь немаловажной ущербной чертой личности князя стало его презрительное равнодушие к высшему благу – Богу, источнику и смыслу человеческого бытия. Желая понять то, что ему было неизвестно, он спрашивает о. Николая: *Скажи мне, как ты жил, как достиг того, чем теперь владеешь, скажи мне, не таясь, брат мой!* [4: 375].

Примечательна сама реакция пастыря Христова на этот вопрос «просвещенного» князя: *Опять священник как бы с некоторым недоумением взглянул на него. – У меня нет ни от кого тайностей, – воскликнул он, – а уж пред*

тобою, князь, перед присным моим и кровным моим, зачем же таиться? [4: 375] (выделено мною – Е.Н.). В словах отца Николая автор раскрывает сущность христианской религии, для которой всегда была чужда какая-либо эзотерика. Все, чем обладает вера Христова, раскрыто всем и каждому, ибо любящему Богу нечего скрывать от чад своих и учеников.

Вводя в роман этот диалог, писатель как бы переставляет акценты, стремясь перевести мысли читателя от «дольнего» (земного) к «горнему» (миру духовному), то есть к размышлениям о Боге. О. Николай еще в юности пережил обращение ко Христу, которому он посвятил себя всего; он **допустил Бога в свое сердце и позволил Ему действовать в себе и через себя**. Иными словами, он твердо и решительно встал на путь святости. Движимый глубоким чувством любви к своему Творцу, священник получил от него силу творить чудеса, то есть выходить за рамки «должного и обыденного». Но при этом пастырь Христов понимает, что чудеса не являются самоцелью, как полагал Юрий, а главное заключается в ином – в стяжании всей своей жизнью богоподобия. В словах отца Николая писатель выразил свой взгляд на эту проблему: *Когда человек живет вдали от Бога, не освещаясь Его светом и не согреваясь Его теплом, то он окружен ночью темнотою, и в этой темноте может, конечно, принять зло за добро, а добро за зло. Но если он душою прикрепится к Богу, то, согретый и освобожденный Богом, он не может ошибаться. Как бы ни был ограничен его разум, он легко отличит добро от зла. Бог есть любовь, человек же соз-*

дан Творцом по Его образу и подобию, и цель земной человеческой жизни заключается в том, чтобы усовершенствовать в себе образ Божий и подобие, то есть наполниться любовью [4: 376] (выделено мною – Е.Н.).

Итогом духовного развития Захарьева-Овинова стало полное переосмысление жизненных норм и ценностей в соответствии с двумя главными заповедями Евангелия о любви к Богу и ближнему. Он не отказался от знания и даруемой им силы, не впал в другую крайность: полное отрицание смысла в науке и познании, что в христианстве именуется ересью гносеоматии, состоящей в войне против познавательных усилий человека. Юрий под благотворным влиянием о. Николая духовно прозревает, открывает новые сферы бытия, о которых ранее и не подозревал. Жизнь обретает смысл в служении ближним. Ибо раньше князь, по словам священника, *не осушил ни одной слезы, не сделал счастливым ни одного Божьего создания* [5: 382]. Возможным и единственным исходом для Юрия оказалось полное переосмысление ценностей и взглядов и обращение к Христу.

Список литературы

1. Быков П.В. Вс. С. Соловьев: его жизнь и творчество // Соловьев Вс. С. ПСС. Т. 1. СПб., 1917.
2. Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. СПб. – М., 2003.
3. Соловьев С.М. Владимир Соловьев: жизнь и творческая эволюция. М., 1997.
4. Соловьев Вс. Волхвы. М., 1993.
5. Соловьев Вс. Великий Розенкрейцер. М., 1994.

HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF THE IDEOLOGICAL CONFLICT IN THE NOVELS «THE MAGI» AND «THE GREAT ROSICRUCIAN» BY VSEVOLOD SOLOVYOV

E. V. Nikolsky

This article describes the novels «The Magi» and «The Great Rosicrucian» by Vsevolod Solovyov (1849–1903). An analysis is given of the collision and the antithesis of Christian and Gnostic ideas about the world and man, as exemplified by the destinies of the leading characters of the dilogy and its minor characters.

Keywords: historical novel, Orthodoxy, Freemasonry, Gnosticism, humanism, Christian values, supersensible knowledge.